

Масса и власть

Автор:

Элиас Канетти

Масса и власть

Элиас Канетти

Философия - Neoclassic

Как человек становится частью толпы? Почему перестает быть независимой личностью? Каковы механизмы, при помощи которых власть управляет массами? Что объединяет религию, тиранию и войну? Почему прошедшее столетие принесло человечеству столько катастроф, связанных именно с тоталитаризацией общества? Может ли это повториться? В своем трактате «Масса и власть» Элиас Канетти, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1981 год, обобщает опыт минувшего столетия и задает вопросы, адресованные не только прошлому, но и будущему...

Элиас Канетти

Масса и власть

© by Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin, 1960

© Перевод. Л. Г. Ионин, 2011

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

О книге и ее авторе

I

В 1994 году Элиас Канетти ушел из жизни, опровергнув тем самым собственные теории о бессмертии. Я говорю это без всякой иронии, ибо, читая книги Канетти, а особенно его рассуждения о причинах смерти, можно было поверить, что он сумеет с нею справиться и не умрет.

Смерть, как ее видел Канетти, – не столько природный феномен, сколько идеология. Поэтому он считал, что фрейдовский инстинкт смерти танатос – это «просто смешно».

Он говорил в одном интервью:

«Я много занимался смертью, и считаю, что это неверно – предполагать наличие фундаментального влечения к смерти.

Смерть и без того слишком сильна и не надо без необходимости подчеркивать ее преобладание. Моя позиция... состоит в неприятии смерти, в том, чтобы противостоять ей и пытаться изгнать ее отовсюду, где она сумела к нам прокрасться, потому что она оказывает очень плохое моральное и общественное влияние...

Я хотел бы, чтобы смерть рассматривалась отдельно от всего, что принято и допустимо, как это уже было когда-то.

Ибо когда люди говорят о жизни и смерти, как бы уравнивая в правах одно и другое, они забывают, что смерть не всегда была естественна. Она стала естественной в последние пару тысяч лет нашей истории....В предыстории у всех народов смерть не считалась естественной, наоборот, она воспринималась как нечто настолько неестественное, что каждая смерть считалась убийством.» (Canetti E. Die gespaltene Zukunft. München, 1972, S.124).

Кроме того что смерть является идеологией, она является инструментом, а именно – главным инструментом власти. Собственно, две эти ее функции на практике часто неразличимы. Борьба Канетти против власти, или, точнее сказать, разоблачение власти, предпринимаемое в этой книге, как раз и представляет собой часть той борьбы против смерти, о которой он говорит в процитированном отрывке.

В книге, которую Вы раскрыли, – не два, как это указано в заглавии, но три «героя»: масса, власть и смерть. Тема ее – взаимодействие массы и власти в силовом поле смерти. Смерть – это тот посредник, который придает динамизм взаимодействию массы и власти, – двух основных агентов истории. Смерть – это то, чем «питается» власть, что служит главным стимулом и средством ее развертывания, усиления, самореализации. Власть – это то, что паразитирует и разбухает на смерти. Если следовать логике этой книги, то можно признать, что не будь смерти, власти бы не существовало. Поэтому борьба против смерти есть одновременно борьба против власти – против методов, методологий, приемов, способов, объяснений и толкований, применяемых ею для достижения своих целей. Собственно говоря, разъяснению и разоблачению их и посвящена настоящая книга; она о том, как реализуется власть – о ее, власти, адской кухне, куда не допускаются или в существование которой не могут поверить обыкновенные люди, и где великие вожди, властители и полководцы без готовых рецептов, по наитию, движимые безошибочным чутьем, создают историю.

То, что она оказывается трагичной, мрачной, кровавой, властители не считают своей виной. Они говорят, что история такова, какова есть, и будь на их месте другой человек, все повернулось бы все равно точно таким же образом. На самом деле, говорит Канетти, история не решает ни за кого, про нее нельзя сказать, что она поддерживает власть или любит сильных. Просто власть и сила решают все в свою пользу, а потом путем не слишком хитрых манипуляций с причинами и следствиями подают дело так, будто история решила все сама, а они, мол, просто выполняли ее волю, которая, будь на их место кто-то другой, все равно реализовалась бы именно таким же образом.

Это обман. Раскрывая рецепты, по которым вожди и владыки создают историю, Канетти протестует против фаталистического отношения к смерти и к власти. Как у австралийского племени аранда, о котором он пишет здесь подробно, никто не умирает сам по себе (если кто-то умер, значит он убит), так же и история не убивает: убивает власть, которая всегда имеет конкретное лицо.

Таковы взгляды Канетти на смерть. Между его рождением и смертью, которой ему не удалось избежать, прошло 89 лет. Он родился 25 июля 1905 г. в болгарском городе Русчук (Русе), входившем тогда в состав Австро-Венгерской империи, в семье потомков испанских евреев, изгнанных маврами из Испании в XV в. В 1911 г. вместе с семьей он переезжает в Лондон, а в 1913 г. после смерти отца, умершего молодым, – с матерью в Вену. С 1916 по 1924 г. он ходил в школу в Цюрихе и Франкфурте-на-Майне, а потом изучал естественные науки в университете в Вене, где и получил степень доктора философии. В 1938 г. в связи с так называемым аншлюсом Австрии, присоединением ее к нацистскому рейху, Канетти покидает континент и селится в Англии, где живет и работает до конца жизни.

Работа приносила плоды: Канетти был удостоен множества немецких и австрийских литературных наград и премий, а в 1981 г. стал лауреатом Нобелевской премии по литературе.

Он написал романы «Ослепление» и «Аутодафе», несколько пьес, издал несколько книг публицистики, несколько книг путевых заметок, несколько книг мемуаров, несколько книг афоризмов, а также «Массу и власть». Это – труд его жизни, *opus magnum*, на который автор возлагал наибольшие надежды. Впрочем, он говорил об этом сам. Свои надежды и планы в связи с этой книгой он выразил в одной из дневниковых записей, относящихся к 1959 году:

«Вчера рукопись «Массы и власти» ушла в Гамбург. В 1925-м, тридцать четыре года назад, явилась первая мысль о книге, посвященной массе. Однако действительный зародыш ее возник еще раньше: демонстрация рабочих во Франкфурте в связи с гибелью фон Ратенау; мне было семнадцать лет. С какой стороны ни взглянуть, вся моя взрослая жизнь была заполнена этой книгой, но с тех пор, как живу в Англии, а значит, более двадцати лет, я, хотя и с трагическими перерывами, почти ни над чем другим не работал.

Стоило ли это таких усилий? Оплатил ли я это многими другими произведениями? Что ж, я могу сказать. Я должен был делать то, что делал. Мной распоряжалась сила, которой мне никогда не понять.

Я вел разговоры об этом, когда не было еще ничего, кроме намерения написать это исследование. С величайшей амбицией я объявлял о несуществующей еще книге, чтобы покрепче пристегнуть себя к ней. В то время как все знакомые подталкивали меня к тому, чтобы я завершил ее, я не закончил ее ни часом раньше, чем представлялось мне верным. Лучшие друзья потеряли за эти годы веру в меня; все тянулось слишком долго, нельзя было сердиться на них за это.

И вот теперь я говорю себе, что мне это удалось: схватить наше столетие за горло» (Канетти Э. Человек нашего столетия. Художественная публицистика. М., 1990, с. 289–290).

Последняя фраза звучит странно. Когда Вы прочтете книгу, то увидите, что в ней на протяжении почти 500 страниц не наберется и 10 строчек о нашем столетии (за исключением пары страниц в эпилоге). Величайшие властители нашего века, такие, например, как Сталин или Гитлер, в этой книге отсутствуют, так же как отсутствуют в ней величайшие массы нашего столетия, не случайно все-таки именуемого «столетием масс»! И тем не менее это так: это книга о XX веке, в которой XX век не упоминается.

С моей точки зрения, тем она страшнее и тем безысходнее вытекающие из нее истины. Есть множество интерпретаций страшных массовых бедствий и массовых злодеяний нашего столетия. Очень тонкие, остроумные, демонстрирующие высочайшую эрудицию и наблюдательность авторов, они раскрывают, так сказать, логику добрых намерений, приведшую к страшным последствиям. Так, мыслители Франкфуртской школы показывают, что возникновение тоталитаризма, ужас Майданека и Освенцима, гекатомбы жертв – все это продукт социально-освободительных устремлений Нового времени, результат просвещенческой пропаганды и борьбы за демократию, которая вылилась в победу масс. Ханна Аренд выдвинула несколько иную версию, но и ее идея заключается в том, что тоталитаризм со всеми его ужасами и прежде всего массовыми убийствами и страшной войной – продукт нашего и исключительно нашего времени, что он «соткался» из множества характерных для XIX и XX вв. идейных течений и социальных тенденций, что он – плоть от плоти и кровь от крови нашего столетия.

Да и мы в общем-то не очень далеко ходим за объяснениями наших собственных бед. Сталинизм – это практическая версия марксизма, сложившаяся в процессе борьбы за освобождение сначала рабочего класса, а потом вообще человечества. Прозрения С.Эйзенштейна в «Иване Грозном», оцененные Сталиным, мы не

оценили в должной мере.

Объяснений фашизма и сталинизма много. Появляются все новые объяснения, опирающиеся на новые факты, являющиеся свету. Но все они едины в том, что фашизм и сталинизм – новейшие феномены истории.

И вдруг на то, что он «схватил столетие за горло», претендует автор, посвятивший этому столетию лишь пару страниц в эпилоге.

Чисто пространственное соотношение материалов не должно обманывать. Сам Канетти писал, что главный его труд посвящен исследованию корней фашизма, хотя само слово там и не называется. Но я думаю, что такое определение темы «Массы и власти» сильно ее суживает; если эта книга и посвящена XX веку, то лишь потому, что в нем история выразилась не по-новому, а очевиднее, чем раньше. XX век со всеми его трагическими событиями: попранием человеческих жизней, войнами, массовым террором, – не является чем-то исключительным в человеческой истории. Если он и превосходит другие века по масштабам жертв, то не потому, что он достиг какой-то не сравнимой с прежними временами жестокости или что люди сделались глупее или кровожаднее, а потому лишь, что выросли их технологические возможности.

Цели же, намерения, мотивы действий не изменились, так же как не изменились движущие человеком аффекты. Короче, XX в. не изменил природу человека, а вместе с ней природу массы и природу власти. По-прежнему власть движима выживанием, и смерть остается ее орудием, и по-прежнему динамика истории – это динамика власти и массы в силовом поле смерти. Гитлер, Сталин и другие вожди XX столетия хорошо это понимали, но они понимали это не хуже и не лучше, чем множество других великих вождей в истории человечества.

Так что постижение XX века в его чудовищных злодеяниях оказалось возможным путем пристального взглядывания в историю древних и чуждых нам народов. Век как век, не лучше других и не хуже... Природа человека не меняется, а властитель оказывается вечным фашистом.

Я не буду пытаться здесь оценивать эту книгу, искать какие-то идейные связи с другими философами, этнографами, исследователями социальной жизни. С моей точки зрения, основополагающие идеи Канетти в «Массе и власти» абсолютно новы. Эта книга прожила уже тридцать пять лет, и реакция на нее показывает, что впереди у нее еще большое будущее. Как писал один из немецких рецензентов, «размышляя о массе и власти, образованный европеец думает о Ницше в связи с властью, а также об Ортеге и Лебоне в связи с массой. В будущем он должен будет думать о Канетти и забыть многое из того, что усвоил от трех остальных».

К этим именам можно добавить еще Фрейда. Действительно, проблемам, которые поднимали и намечали эти четверо, у Канетти дано новое и оригинальное освещение.

Исходный феномен массы – преодоление страха перед прикосновением. Человек страшится и избегает прикосновений других людей, старается держаться от них на некотором отдалении (социальные дистанции, системы статусов – одна из форм такого дистанцирования). В массе страх перед прикосновением снимается, все дистанции ликвидируются. Происходит психологическая разрядка. В массе один человек равен другому. Масса живет своей особой жизнью как целостное существо со своими закономерностями возникновения, существования и распада.

Изначальный феномен власти – выживание. Властитель – это тот, кто выживает, когда другие гибнут. В изначально феноменологическом смысле властитель – это тот, кто стоит, когда все вокруг пали. Архетип властителя – герой, стоящий над трупами павших, причем не важно даже, кто эти павшие – уничтоженные им враги или погибшие друзья, союзники и т. д. В счет идет лишь выживание. Чем больше тех, кого он пережил (все равно, враги это или друзья), тем величественнее, «богоравнее» властитель. Подлинные властители всегда остро чувствуют эту закономерность, подлинная власть всегда воздвигает себя на грудах мертвых тел, как в фигуральном, так и в прямом смысле. Масса – это предпосылка и фундамент власти, все равно, идет ли речь о массе живых или массе мертвых. Угроза смерти – основное орудие власти в управлении массой. Любой приказ – это отложенная угроза смерти. Другими словами, страх смерти – конечная мотивация исполнения любого приказа. Голос власти, говорит Канетти, это рык льва, от которого приходят в ужас и бросаются в бегство стада антилоп, то есть масса.

В некоторых главах «Массы и власти» Канетти вскрывает изначальную связь структур мышления параноика и властителя. Паранойя – не просто «болезнь власти». Паранойя и власть – это два способа реализации одной и той же тенденции, имеющейся в любом человеческом существе. Таким образом Канетти универсализирует открытые им закономерности отношений массы и власти, обосновывает их всеобщий и фундаментальный характер. Результатом становится формирование основных принципов политической антропологии, родственной по стилю идеям Хоркхаймера и Адорно в «Диалектике просвещения» и микроанализам власти у Фуко, но оригинальной по фундаментальным интуициям. Одновременно возникает более или менее целостная общеантропологическая концепция, коренящаяся в идее напряженной динамики страха перед прикосновением другого и радостного, освобождающего слияния с другим и другими. Именно в реализации этих двух аффектов воплощается человеческая жизнь. Этому служат многочисленные и разнообразие ритуалы, систематически разбираемые Канетти, составляющие в своей совокупности основополагающие институты человеческого общежития (стая, религия, война и др.). В этом смысле концепция «Массы и власти» представляет собой также теорию культуры.

Личную позицию писателя по отношению к власти, как она выражена не только в этой книге, но и в художественных произведениях, в публицистике и афоризмах, я бы назвал интеллектуальным анархизмом. Власть смертоносна и отвратительна, власть – это смерть. Борьба против власти, как сказано уже в начале этих заметок, – это борьба против смерти. Его призыв к каждому человеку – вырвать из себя «жало приказа», то есть ликвидировать в себе тот психологический отпечаток, который оставляет каждый приказ, как исполненный, так и отданный. Попросту говоря, это призыв не исполнять приказов власти. В то же время его анализ психологической динамики взаимоотношений власти и массы, как читатель увидит сам, показывает, что призыв этот, по сути дела, неисполним. Это призыв к гуманизму в мире, который антигуманен по глубинному своему устройству.

IV

В заключение этих кратких заметок – несколько слов о моем опыте заочного общения с писателем, и о выводах, к которым я в результате пришел. Просьба предоставить права для издания русского перевода «Массы и власти» несколько лет назад, к удивлению всех участников этого мероприятия, вдруг натолкнулась на негативную реакцию писателя. Его литературный агент передал, что г-н

Канетти считает издание книги на русском языке преждевременным, по крайней мере до тех пор, пока в России не наступит политическая, социальная и экономическая стабилизация.

У меня и моих коллег такая реакция вызвала удивление и недоумение. Кое-что стало, однако, понятным в ходе перевода книги, особенно когда я встретил в главе «Случай Шребера» такое вот на первый взгляд загадочно выглядящее соображение:

«Заболев паранойей, он (Шребер. – Л.И.) семь лет провел в психиатрической больнице, прежде чем решился в деталях записать то, что впоследствии явилось миру как система его безумия. «Памятные записки нервнобольного» составили целую книгу. Он был настолько убежден в правильности и важности своей самодельной религии, что после того, как опека была снята, отдал книгу в печать. Его язык как будто специально создан для выражения столь своеобразной системы мыслей: он запечатлевает именно столько, сколько нужно, чтобы ничто существенное не осталось в тени. Он говорит, что не является, да и на самом деле не является писателем; поэтому за ним можно следовать повсюду без опаски» (с. 464 настоящего издания, курсив мой. – Л.И.).

Логика этого выделенного курсивом места сначала была мне совершенно непонятна. По некотором размышлении я пришел к выводу, что Канетти подразумевает здесь следующее: в темные закоулки мышления параноика (Шребера) можно следовать без опаски потому, что его идеи изложены не писателем, то есть им не свойственна та сила внушения и убеждения, которой неизбежно обладают тексты настоящего писателя.

Но отсюда следует и обратный вывод: мир паранойи, изображенный настоящим писателем, опасен, потому что несет в себе потенциал заражения.

Именно поэтому читатель может без опаски следовать за Шребером в его путешествии по закоулкам собственного безумия. И именно поэтому читатель в стране, не выработавшей иммунитета против паранояльной болезни власти, не может без опаски следовать за Элиасом Канетти в предпринятом им путешествии по изнаночной стороне власти. Это слишком опасно, полагает Канетти, потому что изложено правдиво, откровенно и доходчиво. Это опасно, потому что вообще истина опасна.

Ясно, что Канетти ныне не может стать модным писателем. Потому что в моде релятивизм. Он может даже показаться наивным в том, что верит в силу литературы, в опасную силу слова.

Уже потом я нашел в «Заметках» еще одну запись о «Массе и власти», внесенную на 25 лет позже, чем та, что процитирована выше:

«Тебе ставят в укор сопряженность событий рассказанной истории жизни, то, что все происходящее указывает на нечто последующее. А существуют ли такие жизни, которые не разворачиваются навстречу своему будущему? Если кто дожил до 80, то не может он изображать свою жизнь так, будто прикончил себя в 40. Если главная его книга после немислимых оттяжек наконец готова и продолжает работать дальше, то не может он в угоду чьему-то капризу делать вид, будто она не удалась.

Так что пусть тебя упрекают в том, что ты веришь в «Массу и власть», в то, что раскрытое в ней – несмотря на легкомыслие, с которым этим пренебрегли, – сохраняет свою истинность и актуальность. В этом убеждении ты писал историю своей жизни: и форма ее, и добрый кус содержания обусловлены им» (Канетти Э. Человек нашего столетия, с. 354).

Теперь, как мне кажется, можно объяснить, почему Канетти считал несколько преждевременным тогда русское издание «Массы и власти». Для него эта книга не была литературной игрой, как не являлась для него игрой литература вообще. Он был уверен в истинности того, что пишет, и открытия, осуществленные в «Массе и власти», являются для него открытиями в старом добром смысле слова, свойственном науке еще прошлого столетия: открытие того, что существовало до открытия, будучи сокрыто, а не изобретение новых связей в мире, бесконечно дифференцируемом умом исследователя. Для Канетти власть – не дискурс власти, а прямая и ощущаемая реальность переживания, точно так же как масса, смерть, выживание и другие категории, которые он использует в книге.

Поэтому он считает, что открытия, сделанные им в «Массе и власти», а именно открытие методов и методологий, используемых властью для того, чтобы диктовать волю массе, – открытие реальной силы и реальной опасности. Это то же самое, как с опасной энергией атома – только здесь речь идет об опасной социальной энергии. Эта энергия настолько опасна, что может принести вред в стране с нестабильной ситуацией, перепутанным мировоззрением и массой

авантюристов, честолюбцев и властолюбцев, всегда взмывающих вверх на гребнях революционных волн.

Разумеется, такой подход не очень лестен для России, на которую писатель смотрит как на страну несовершеннолетнюю, которой, в соответствии со старыми воспитательными традициями, лучше не давать в руки некоторых книжек, потому что она может сделать из них неправильные и опасные выводы. Это тоже несколько архаичный подход, не соответствующий сегодняшним воспитательным теориям...

Короче, Элиас Канетти верил в силу литературы, в силу Книги, и этим он сильно отличался от многих современных литераторов. Он верил, что, написав «Массу и власть», создал нечто, способное изменить людей и мир.

Леонид Ионин

Масса

Обращенный страх прикосновения

Человеку страшнее всего прикосновение неизвестного. Он должен видеть, что его коснулось, знать или по крайней мере представлять, что это такое. Он везде старается избегать чужого прикосновения. Ночью или вообще в темноте испуг от внезапного прикосновения перерастает в панику. И одежда не дает безопасности: она легко рвется, сквозь нее легко проникнуть к голой и гладкой беззащитной плоти.

Все барьеры, которые люди вокруг себя возводят, порождены именно страхом прикосновения. Они запираются в домах, куда никто больше не может войти, и только там чувствуют себя в относительной безопасности. Боязнь грабителей проистекает не только из беспокойства за имущество, это ужас перед рукой, внезапно хватающей из темноты. Его повсюду и всегда символизирует рука,

превращенная в когтистую лапу. Многие из этого отразилось в двойственности смысла немецкого слова «angreifen». В нем одновременно подразумеваются и безвредное прикосновение, и опасная агрессия, и нечто от последней постоянно отражается в первом. Но в соответствующем существительном «Angriff», означающем атаку, нападение, выразился только дурной смысл слова.

Страх перед прикосновением не покидает нас даже на публике. Манера поведения в толпе на улице, в ресторане, в транспорте продиктована именно этим страхом. Даже когда приходится стоять с кем-то совсем рядом, видеть и ощущать его вплотную, мы стараемся, насколько можно, избежать прикосновений. Если наоборот, значит, другой нам приятен, и инициатива сближения исходит от нас самих.

Быстрота, с какой следует извинение за случайное прикосновение, напряжение, с каким его ждут, резкая, иногда даже действенная реакция, если извинения не последовало, злоба и ненависть, которые изливаются на «обидчика», даже если неизвестно, точно ли он им является, – весь этот узел душевных реакций на прикосновение незнакомца доказывает, что здесь затронуто что-то очень глубокое, вечно бодрствующее и настороженное, что никогда не покидало человека с той поры, как он уяснил границы собственной личности. Даже сон, где человек гораздо беззащитнее, слишком легко нарушается такого рода страхом.

И только в массе человек может освободиться от страха перед прикосновением. Это единственная ситуация, где этот страх переходит в свою противоположность. Для этого нужна плотная масса, где тело прижато к телу, которая плотна также в своей душевной конституции, то есть такая, где человеку безразлично, кто на него «давит». Кто отдал себя на волю массы, не боится ее прикосновений. В идеальном случае в ней все равны. Различия не считаются, даже половые. Кто бы на тебя ни напирал, он такой же, как ты сам. Его ощущаешь как самого себя. Вдруг все оказывается происходящим как будто бы внутри одного тела. Вероятно, этим объясняется, почему масса всегда старается стать как можно плотнее: она хочет максимально подавить свойственный индивидууму страх перед прикосновением. Чем сильнее люди сжаты, тем более они чувствуют, что не боятся друг друга. Массе, следовательно, присуще обращение страха прикосновения. Облегчение, которое по ней распространяется и о котором мы еще будем говорить в другой связи, достигает исключительно высокой степени при ее наибольшей плотности.

Открытая и закрытая массы

Столь же загадочное, как и универсальное явление – внезапное возникновение массы там, где перед этим было пусто. Стояло пять, может, десять, может, двенадцать человек, никто ни о чем не объявлял, никто ничего не ждал – и вдруг все вокруг черно от людей. Люди текут отовсюду, кажется, все улицы стали с односторонним движением. Многие даже не знают, что случилось, спроси их – им нечего ответить, но и они спешат оказаться там же, где остальные. В их движении решимость, весьма отличная от обыкновенного любопытства. Они словно подталкивают друг друга в одном и том же направлении. Но к этому дело не сводится. У них есть цель. Она есть раньше, чем они в состоянии ее осознать, и цель эта – самое черное, то есть то место, где больше всего людей.

Об этой экстремальной форме спонтанной массы можно сказать многое. Там, где она возникает, то есть в подлинном своем ядре, она вовсе не так спонтанна, как это может показаться на первый взгляд. Но в остальном, если отвлечься от тех пяти, десяти или двенадцати, с кого она начинается, она действительно такова. Раз возникнув, она стремится стать больше. Жажда роста – это первое и высшее свойство массы. Она старается втянуть в себя каждого, кто в пределах ее досягаемости. Влиться в нее может каждый, кто выглядит человеком. Естественная масса – это открытая масса: ее росту вообще не положено предела. Домов, дверей, замков она не признает; те, кто замыкается, ей подозрительны. Открытость здесь можно понимать в любом возможном смысле, масса открыта всюду и во всех направлениях. Открытая масса существует, пока растет.

Перестав расти, она начинает распадаться.

Масса распадается так же внезапно, как возникает. В этой спонтанной форме она крайне восприимчива. Открытость, обеспечивающая рост, – одновременно ее слабое место. В ней постоянно живет предчувствие распада. Она старается его избежать благодаря быстрому росту. Пока это удастся, она втягивает в себя всех и вся; когда все втянуто, она должна распасться.

Противоположностью открытой массе, которая может расти до бесконечности, которая существует везде и именно поэтому привлекает всеобщий интерес,

является закрытая масса.

Закрытая масса отказывается от роста и делает упор на структуру. Что в ней прежде всего бросается в глаза, так это граница. Она прочно обосновывается: ограничивая себя, она создает себе место. Пространство, которое она заполняет, именно для нее предназначено. Его можно сравнить с сосудом, куда наливают жидкость: заранее известно, сколько туда войдет. Внутри пространства есть специальные проходы, как угодно туда не попадешь. Граница внушает уважение. Она может быть из камня, из прочных глыб. Для ее преодоления может потребоваться акт приема в члены сообщества, может быть, придется платить за вход. Когда пространство заполнено, допуск прекращается. Даже если публика продолжает прибывать, главное – это плотная масса, пребывающая в закрытом пространстве; те, кто толпится снаружи, по сути дела, к ней не принадлежат.

Граница препятствует неупорядоченному приращению, но она же затрудняет и замедляет распад. Теряя в возможностях роста, масса приобретает в постоянстве. Она предохраняет себя от внешних воздействий, которые могут быть враждебными и опасными. Но особенно она рассчитывает на повторение. Благодаря перспективе нового собрания, масса каждый раз возрождается после распада. Помещение ждет ее, оно вообще ради нее и существует, и, пока оно есть, масса может собраться, как раньше. Это – ее пространство: даже если сейчас отлив, его пустота напоминает о времени прилива.

Разрядка

Важнейший процесс, протекающий внутри массы, – разрядка. До момента разрядки массы практически не существует, лишь разрядка создает массу в подлинном смысле слова. Это момент, когда все, кто принадлежит к массе, освобождаются от различий и чувствуют себя равными.

Из различий особенно важны те, что характеризуют человека внешне, – различия звания, сословия и состояния. Человек как единичное существо их всегда осознает. Они давят на каждого, отделяя людей друг от друга. Человек занимает свое надежное безопасное место и при помощи правовых норм держит на расстоянии всех, кто к нему приближается. Он как ветряная мельница на

просторной равнине.

Отовсюду видно, как энергично крутятся лопасти, а между нею и следующей мельницей – только огромное пустое пространство. Вся жизнь складывается из дистанций: дом, где человек держит свое достояние и себя самого, положение, которое он занимает, звание, к которому стремится, – все служит созданию расстояний между людьми, их сохранению и увеличению. Свобода глубинного порыва от одного человека к другому подавляется. Побуждения и отклики иссякают как ручьи в пустыне. Никому нельзя слишком близко, никому – на тот же уровень. Жесткие иерархии, установившиеся в каждой области, никому не позволяют всерьез коснуться вышестоящего или снизойти до нижестоящего, – разве что напоказ. В разных обществах баланс этих дистанций различен. Где-то упор делается на происхождение, где-то – на богатство, где-то – на род занятий.

Здесь не ставится задача изобразить эти иерархии в деталях. Важно, что они есть всюду, что всюду они глубоко внедрились в сознание и определяют человеческие контакты. Удовлетворение от того, что ты выше других по званию, не восполнит утраченной свободы порывов. В дистанциях человек закостеневаает. Они как колодки, не дающие сдвинуться с места. Человек забывает, что заковал себя сам, и тоскует по освобождению. Но как освободиться в одиночку? Что бы он ни предпринял, на что бы ни решился, он все равно в окружении, и окружающие сведут на нет все его усилия. Пока они сохраняют дистанции, ему не стать им ближе.

Только все вместе, сразу и одновременно, могут ликвидировать эти дистанции. Что и происходит в массе. При разрядке все разделяющее отбрасывается, и все чувствуют себя равными. В тесноте, где ничто не разделяет, где тело прижато к телу, каждый близок другому как самому себе. Это миг облегчения. Ради этого мига счастья, когда каждый не больше и не лучше, чем другой, люди соединяются в массу.

Однако этот желанный и счастливый миг разрядки таит в себе одну опасность. В нем заключена фундаментальная иллюзия: почувствовав себя равными, люди не стали равными на самом деле и навсегда. Они вернутся в свои отдельные дома, лягут в свои постели. Они сохранят свое имущество и не откажутся от имен. Они не оттолкнут родных и не уйдут из семей. Только при обращениях глубочайшего свойства люди целиком обрывают старые связи и вступают в новые. Такие союзы, которые по природе своей могут включать только ограниченное число членов и жестко регулируют свой состав, я называю массовыми кристаллами. Об

их функциях речь пойдет ниже. Масса же распадается. Она чувствует, что распадется. Она испытывает страх перед распадом. Она выживет, только если разрядка будет продолжаться, распространяясь на новых и новых примыкающих к массе индивидов. Лишь прирост массы не дает тем, кто к ней принадлежит, согнуться вновь – каждому под своим личным грузом.

Мания разрушения

Часто говорят, что массе свойственна мания разрушения; действительно, это бросается в глаза в массовых процессах, происходящих в самых разных странах и культурах. Этот факт с неодобрением признан, но никем не разъяснен.

Охотней всего масса разрушает дома и предметы. Поскольку речь идет о хрупких предметах – стеклах, зеркалах, картинах, посуде, можно предположить, что именно их хрупкость и рождает в массе жажду разрушения. Верно, конечно, что звуки погрома – грохот бьющейся посуды, звон осколков – важны с точки зрения восторга, порождаемого разрушением: это как мощные звуки жизни нового существа, крики новорожденного. Их легко вызвать, что делает их особо желанными: как будто все кричит вместе с нами, грохот – это аплодисменты вещей. Особая потребность в таком шумовом эффекте возникает в самом начале событий, когда толпа еще мала и ничего или почти ничего еще не произошло. Грохот и треск пророчествуют о подкреплении, на которое все надеются, они – доброе благословение на предстоящие подвиги. Однако неправильно считать, что решающую роль играет легкость разрушения. Толпа бросается и на каменные изваяния, не успокаиваясь, пока не изуродует их до неузнаваемости. Христиане отбивали головы и руки греческим богам. Реформаторы и революционеры сбрасывали скульптурные изображения святых, часто рискуя собственной жизнью. Разрушаемый камень иногда был так тверд, что работу приходилось бросать не доделав.

Разрушение изваяний – это отрицание иерархий, которые отныне не признаются. Это покушение на установленные общезначимые дистанции. Твердость изваяний свидетельствовала об их постоянстве. Они стояли издавна, считается, они были всегда, гордые и неприступные, нельзя было даже приблизиться к ним с враждебным намерением.

И вот они лежат в обломках. Это акт разрядки.

Но до этого доходит не всегда. Обычно разрушение – не что иное, как покушение на границы. Окна и двери принадлежат домам, это самые уязвимые части их ограниченности от всего, что вовне. С выбитыми окнами и высаженными дверьми дом теряет индивидуальность. Внутри теперь зайдет кто угодно, обитатели ничем больше не защищены. Обыкновенно считается, что в домах скрываются люди, противопоставляющие себя массе, то есть ее враги. Теперь преграды пали. Их ничто больше не разделяет. Они могут выйти и присоединиться к массе. А можно их вытащить.

Но за этим стоит еще больше. Каждый ощущает, что, примкнув к массе, он переступил границы собственной личности, ликвидировал все дистанции, которые отбрасывали его назад – к себе самому, запирали его в себе. Сбросив груз дистанций, человек освобождается, и эта обретенная свобода есть свобода переступания границ. То, что он испытал, непременно должны испытать и другие, он ждет от них того же. Глиняный горшок возбуждает его потому, что он – граница. В доме его возбуждают запертые двери. Церемонии и ритуалы, все, что порождает дистанции, воспринимается им как невыносимая угроза. В эти заранее подготовленные сосуды должна быть загнана расчлененная масса. Она ненавидит свои будущие тюрьмы, что всегда были ее тюрьмами. Голой массе во всем чудится Бастилия.

Самое впечатляющее орудие разрушения – огонь. Он виден издали и притягателен как ничто другое. Он разрушает окончательно и бесповоротно. Из огня ничто не выйдет таким, как было. Поджигающая масса чувствует себя неотразимой. Все, охватываемое огнем, присоединяется к ней. Все враждебное гибнет в огне. Огонь, как это будет видно далее, – самый могучий символ массы. Как и она, совершив разрушение, он угасает.

Извержение

Открытая масса – это и есть масса как таковая, свободно отдающаяся своему естественному стремлению к росту. Открытая масса не ощущает или не представляет, насколько велика она могла бы стать. Она не ограничена привычным помещением, которое должна заполнить. Меры ей не положено – она

хочет расти до бесконечности; для этого ей нужны только люди, больше и больше людей. Такая голая масса в основном и бросается всегда в глаза. Однако есть в ней что-то выходящее за рамки нормального и, поскольку она всегда распадается, не внушающее доверия. Может, вообще не следовало бы брать ее всерьез, если бы не постоянное увеличение численности населения и быстрый рост городов, создающие в наш современный век все больше возможностей для ее образования.

Закрытые массы прошлого, о которых еще пойдет речь ниже, все превратились в хорошо знакомые институты. Своеобразный душевный настрой, который ощущали их участники, казался чем-то естественным: ведь вместе они собрались для определенной цели – религиозной церемонии, праздника, военного похода, а цель, казалось, освящает настроение. Кто приходил к проповеди, разумеется, искренне верил, что все дело в проповеди, и очень удивился бы, а может, и возмутился, разъясни ему кто-нибудь, что величина аудитории возбуждает его больше, чем сама проповедь. Все правила и церемонии, свойственные этим институтам, были нацелены на закрепление массы: лучше надежная церковь, полная верующих, чем ненадежный целый мир. Благодаря равномерности служб, совершающихся в строго установленное время, точности воспроизведения знакомых ритуалов массе обеспечивалась возможность как бы пережить самое себя в прирученном состоянии. Это был эрзац удовлетворения потребностей более грубого и бурного характера.

Возможно, этих институтов хватило бы, если бы количество людей оставалось примерно тем же самым. Однако в города стекалось все больше и больше народу, численность населения в последние сто лет росла необычайно быстро, что привело к образованию новых огромных масс, и в такой ситуации никакое самое опытное и изощренное руководство не смогло бы это предотвратить.

Все нападки на устаревшие ритуалы, о которых сообщает история религии, – это протест массы, которая хочет ощутить свой рост, против навязываемых ей границ. Это и Нагорная проповедь из Нового Завета, совершающаяся под открытым небом на глазах тысяч людей, направленная, несомненно, против ограничивающего ритуализма официального Храма. Это и стремление павлинистского христианства высвободиться из родовых и фольклорных границ еврейства и стать универсальной верой человечества. Это и пренебрежительное отношение буддизма к кастовой системе тогдашней Индии.

Даже внутренняя история мировых религий богата событиями того же рода. Храм, церковь, каста всегда оказывались тесны. Крестовые походы вели к образованию масс такой величины, что их не смогло бы вместить ни одно церковное здание тогдашнего мира. Позже целые города стекались на представления флагеллантов, а они еще и путешествовали из города в город. Уэслианство возникло в XVIII в. именно благодаря проповедям под открытым небом. Уэсли хорошо понимал значение массы и даже делал в дневнике особые пометки о том, сколько народу слушало его на этот раз. Стремление вон из замкнутых помещений каждый раз означает, что масса хочет вновь предаться своей старой страсти – внезапному, быстрому и неограниченному росту.

Я называю извержением внезапный переход закрытой массы в открытую. Это очень частое явление, но не надо понимать его слишком пространственно. Иногда это и в самом деле выглядит так, будто масса изверглась из закрытого пространства, где до того томилась, на улицы и площади и распространяется, втягивая в себя все и вся. Но гораздо важнее внутренний процесс, параллельный видимому извержению. Это внезапно возникающее недовольство массы собственной ограниченностью, будящее желание присоединять, решимость добраться до всех и каждого.

Со времен Французской революции эти извержения приобрели форму, которую мы воспринимаем как современную. Может быть, потому, что масса основательно очистилась от содержания традиционных религий, нам стало легче наблюдать ее в чистом, если угодно, биологически чистом виде, без тех трансцендентных смыслов и целей, которые раньше она позволяла в себя влить. История последних ста пятидесяти лет ознаменовалась резким увеличением числа извержений; это справедливо и по отношению к войнам, которые стали массовыми войнами. Масса уже не удовлетворяется благочестивыми обетами и обещаниями, она хочет испытать великое чувство собственной животной силы и страсти, используя для этого любые социальные претензии и поводы.

Масса никогда не насыщается – это ее главная черта.

Она голодна, покуда остается хоть один человек, ею не схваченный. Останется ли она голодной, вобрав в себя действительно всех, наверняка никто не скажет, хотя предположить это можно с достаточной уверенностью. В ее попытках выжить сквозит какое-то бессилие. Существует только одно средство, дающее надежду, – образование двойных масс, где одна масса тоскует по другой. Чем ближе они друг другу по интенсивности и мощи, тем дольше живут,

соразмеряясь друг с другом.

Мания преследования

Одна из самых выдающихся характеристик жизни массы – то, что можно было бы назвать чувством преследуемости, – особенная гневная восприимчивость и раздражимость по отношению к тем, кто раз и навсегда записан ее врагом. Что бы они ни делали, как бы себя ни держали – грубо, вызываяще, пренебрежительно или, наоборот, уступчиво, приветливо, мило, – все равно масса решит, что за этим стоит злоба и изначальные дурные намерения, что враг хочет одного – открыто или коварно, изнутри ее уничтожить.

Чтобы объяснить это чувство вражды и преследования, надо вспомнить тот фундаментальный факт, что масса, раз возникнув, хочет стремительно расти. Силу и неукротимость этого роста невозможно преувеличить. Пока масса чувствует, что растет, – скажем, при революционных процессах, зарождающихся в мелких, крайне напряженных массах, – она воспринимает все, что ей мешает, как преграды, возводимые специально, чтобы помешать ее росту. Ее может рассеять и разогнать полиция, но эффект будет лишь временным, как от руки, разгоняющей комаров. Она может быть атакована изнутри, когда поставлены под сомнение требования, приведшие к ее образованию. Тогда слабые отсеиваются, а те, кто собирался присоединиться, на полпути сворачивают назад.

Нападение на массу извне способно ее только укрепить. Насильственный разгон сплачивает ее сильнее, чем раньше. А вот нападение изнутри в самом деле опасно. Стачка, нацеленная на получение каких-то привилегий, на глазах разваливается. Нападение изнутри апеллирует к индивидуальным желаниям. Массой это воспринимается как подкуп, как «аморальность», ибо индивидуализм противоречит ее ясным и чистым основным принципам. Каждый, кто принадлежит массе, несет внутри себя маленького предателя, который хочет есть, пить, любить, вообще жить в покое. Если он эти свои частные желания удовлетворяет мимоходом, не делая из этого особой проблемы, то пусть так и остается. Но если он заговорит об этом вслух, его начинают ненавидеть и бояться. Ясно, что он поддался на вражескую пропаганду.

Масса похожа на осажденную крепость. Крепость осаждена двояко: враг стоит перед стенами и враг засел в подвалах. Когда битва началась, на подмогу спешат все новые сторонники и колотят в ворота, требуя входа; в подходящий момент просьбу удовлетворяют, но они лезут и через стены. Город быстро наполняется бойцами, и каждый из них вносит с собой маленького невидимого предателя, который поспешно исчезает в подземелье. Цель осады – остановить приток сторонников. Врагам снаружи стены нужнее, чем осажденным внутри. Именно осаждающие стараются построить их все выше. Они подкупают тех, кто спешит в город, а если не в силах их остановить, заботятся о том, чтобы сопровождающие маленькие предатели по дороге накопили достаточно враждебности.

Свойственное массе чувство преследуемости есть не что иное, как это ощущение двоякой угрозы. Стены снаружи становятся все выше и выше, все больше и больше врагов скапливается в подвалах. Намерения врага ясны и очевидны, когда он трудится на стенах, но что замышляют те, кто сидит глубоко под землей?

Однако подобные образы всегда выражают только часть истины. Притекающие снаружи, стремящиеся в город – не только новые товарищи, подкрепление и поддержка, они также и питание массы. Масса, которая не прибавляет в весе, голодает. Есть средства, позволяющие переносить голод; особенным мастерством в их изыскании отличаются религии. Далее будет показано, как мировым религиям удастся сохранять массы даже при отсутствии стремительного прироста.

Приручение масс в мировых религиях

Религии с универсальными притязаниями, получив признание, быстро меняют акценты в своей пропаганде. Поначалу задача состоит в том, чтобы достичь и завоевать на свою сторону всех, кого только можно достичь и завоевать. Масса, которая рисуется им в воображении, – это универсальная масса: речь идет о каждой индивидуальной душе, и каждая душа должна принадлежать им. Однако борьба, в которую приходится при этом вступать, постепенно рождает скрытое уважение к противнику, чьи институты уже налицо. Они видят, как это трудно – выстоять. Все важнее им представляется наличие институтов,

обеспечивающих единство и устойчивость. По примеру противника они делают все возможное, чтобы ввести у себя такие же; когда это удастся, центр тяжести постепенно перемещается на удержание достигнутого.

Большой удельный вес институтов, начинающих жить собственной жизнью, ведет к снижению накала первоначальной пропаганды. Церкви строятся так, чтобы вместить уже имеющихся верующих. К вопросу о строительстве новых подходят сдержанно и осмотрительно, судят, есть ли в том действительная надобность. Стремятся распределить имеющихся верующих по отдельным подразделениям. Именно потому, что их стало много, появилась тенденция к распаду и опасность распада, для нейтрализации которой нужна постоянная упорная работа.

Ощущение коварства массы заложено в крови мировых религий. Их собственная традиция, имеющая обязательный характер, учит, как внезапно и быстро распространились они сами. Истории массовых обращений кажутся чудом, таковы они и на самом деле. Но в раскольнических движениях, которых церкви страшатся и которые неистово преследуют, эти чудеса обращаются против них самих: раны от них, возникающие на собственном теле, болезненны и неизлечимы. То и другое – стремительное распространение на ранних стадиях и не менее стремительные расколы потом – не дает уснуть недоверию по отношению к массе.

Что им требуется, так это не масса, а ее противоположность – послушная паства. Они сравнивают верующих с овцами и хвалят за послушание. От важнейшего свойства массы, а именно – быстрого роста, религии полностью отказались, довольствуясь вместо этого фикцией равенства всех верующих (на чем, впрочем, не настаивают слишком сильно), определенной степенью их близости (не переходящей, впрочем, известных границ) и определенностью направления. Цель они предпочитают поместить в очень большом отдалении – в потустороннем мире, куда человек не может попасть сразу, поскольку еще жив, и право на который нужно заслужить ценой больших усилий и унижений. Постепенно направление становится важнее цели. Чем цель отдаленнее, тем больше порядка требуется для движения к ней. На место кажущегося неотъемлемым от массы принципа роста ставится нечто совсем иное – принцип повторения.

Верующих собирают в одних и тех же зданиях к одному и тому же часу и воздействуют на них посредством одних и тех же приемов, в результате чего

они впадают в мягкое состояние массы, которое их возбуждает, не давая при этом перейти определенные границы, и делает возможным привыкание. Ощущение единства отпускается им маленькими дозами. От правильности дозировки зависит устойчивость церкви.

Если люди привыкли воспроизводить это четко отмеренное переживание в своих церквях и храмах, им уже без него не обойтись. Оно становится необходимым как пища и все прочее, из чего складывается существование. Внезапный запрет культа, преследование религии со стороны государства не может пройти без последствий. Сбой в старательно сбалансированных массовых процессах приводит через некоторое время к извержению открытой массы. Она располагает всеми элементарными свойствами, которые нам уже известны. Она стремительно распространяется во всех направлениях. В ней осуществляется настоящее, а не фиктивное равенство. Она по-новому и еще более интенсивно спланивается. Она в мгновение ока отбрасывает ту далекую и трудно достижимую цель, в преданности которой ее воспитали, и ставит себе новую цель здесь, в непосредственной окрестности ее конкретной жизни.

Все внезапно запрещаемые религии мстят своего рода обмирщением. В неожиданной и мощной вспышке варварства полностью меняется характер их верований, причем самим верующим природа изменений непонятна. Они остаются при полном убеждении, что держатся старой веры, и думают только о том, чтобы не изменить ее глубочайшим принципам. На самом деле они стали в корне другими, их охватило острое и неповторимое ощущение открытой массы, в которую они вдруг превратились и отпасть от которой не согласятся ни за какую награду.

Паника

Паника в театре, как это часто отмечалось, представляет собой распад массы. Чем сильнее люди объединены представлением и чем изолированнее от улицы помещение театра, тем более бурно протекает распад.

Бывает, однако, что сам по себе спектакль не в состоянии соединить людей в массу. Представление не «захватывает», и зрители остаются вместе только потому, что они уже здесь. Но что не может сделать спектакль, то мгновенно

делает огонь. Он не менее опасен для людей, чем для животных, – самый древний и могучий символ массы. Если в публике было хоть чуть-чуть массового чувства, то при появлении огня оно в один миг достигает кульминации. Одинаковая и очевидная для всех опасность порождает одинаковый для всех страх. На короткое время из публики рождается подлинная масса. Не будь это в театре, можно было бы удариться в бегство подобно стаду животных при виде опасности, и однонаправленность движения умножила бы энергию бегства. Активный массовый страх такого рода – великое коллективное переживание всех животных, ведущих стадную жизнь и, как хорошие бегуны, спасающихся вместе.

В театре, напротив, масса обречена на распад. Двери могут одновременно пропустить только одного или нескольких человек. Энергия бегства сама по себе преобразуется в энергию отталкивания. Проход между креслами рассчитан только на одного, все четко отделены друг от друга, каждый сидит сам по себе, стоит сам по себе, у каждого свое место. Расстояние до ближайшей двери для всех разное – для каждого свое. Нормальный театр рассчитан на то, что зрители удобно рассажены и им оставлена лишь свобода рук и голоса. Движение ног максимально ограничено.

Внезапный приказ бежать, отданный огнем, сразу наталкивается на невозможность совместного бегства. Каждый видит дверь, в которую ему нужно пройти, он видит в ней себя отдельно от всех остальных, и эта дверь становится рамкой картины, кроме которой он ничего видеть не способен. Так масса, все еще на вершине своего переживания, вынуждена насильственно распасться. Превращение ярче всего сказывается в буйстве индивидуальных проявлений – каждый бьется за себя.

Чем яростнее человек борется за собственную жизнь, тем яснее становится, что он борется против остальных, мешающих ему со всех сторон. Они окружают его как стулья, барьеры, запертые двери, с тем только отличием, что сами борются против него. Они тащат его то в одну, то в другую сторону, куда им заблагорассудится, точнее, куда влечет их самих. На женщин, детей, стариков не обращают внимания, их не отличают от мужчин. Это – признак организации массы, где все равны, и, хотя человек не ощущает себя принадлежащим массе, она все равно охватывает его со всех сторон. Паника – это распад массы в массе. Отдельный человек здесь старается отпасть от массы и бежать от нее, угрожающей ему как целое. Но поскольку он физически внутри ее, приходится с ней сражаться. Отдаться ей было бы гибелью, ибо гибель грозит ей самой. В

такие мгновения он не может не подчеркивать свою отдельность. Пинками и ударами он вызывает на себя пинки и удары. Чем больше он их раздает, тем больше получает, и тем отчетливее чувствует себя, тем яснее прочерчиваются границы его собственной персоны.

Любопытно заметить, как масса в глазах того, кто борется внутри ее самой, обретает характер огня. Она возникла из неожиданного отблеска пламени или крика «Пожар!»; как пламя, она играет с тем, кто хочет из нее ускользнуть. Он сталкивается с людьми как с горящими предметами, соприкосновение с которыми опасно, шарахается, что бы ни коснулось его тела. Все стоящие на пути как бы заражены огнем; сам способ, каким огонь распространяется, – вспыхивая то там, то тут, внезапно охватывая все вокруг, – похож на поведение массы, угрожающей человеку отовсюду. В ней все неожиданно: внезапно возникающие локти, кулаки или ноги напоминают языки пламени, вырывающиеся в самых неожиданных местах. Огонь как лесной или степной пожар и есть враждебная масса; это ощущение дремлет в каждом человеке. Огонь как символ массы живет в каждом душевном обиходе и составляет его неизменную часть. Упорное затаптывание людей, которое часто случается при панике и кажется столь бессмысленным, есть на самом деле не что иное, как затаптывание огня.

Панику как распад можно предотвратить, продлив первоначальное состояние объединяющего массового страха. Так, в подожженной врагами церкви общий страх рождает коллективную молитву о том, чтобы всемогущий Бог вмешался и чудом истребил огонь.

Масса как кольцо

Вдвойне закрытую массу представляют собой люди, собравшиеся на арене. Стоит рассмотреть ее в этом любопытном качестве.

Снаружи арена четко ограничена. Она обычно видна отовсюду. Ее положение в городе, место, которое она занимает, общеизвестно. Каждый чувствует, где она находится, даже не думая о ней. Крики с нее разносятся далеко вокруг. Если она открыта сверху, разыгрывающаяся в ней жизнь сообщает нечто от себя всему окружающему городу.

Но как бы волнующи ни были эти сообщения, беспрепятственный доступ к арене невозможен. Число мест на охватывающих ее скамьях ограничено. Плотность размещения определяется целью. Места расположены так, чтобы люди не теснили друг друга. Они должны чувствовать себя удобно, все хорошо видеть, каждый со своего места и без помех.

Наружу, то есть городу, арена демонстрирует безжизненную стену. Вовнутрь она повернута стеной из людей. Все присутствующие сидят к городу спиной. Они изъяты из строения города, из его стен и улиц. Пока они пребывают на арене, их не касается, что происходит в городе. Они оставили позади его жизнь, его связи, правила и привычки. На определенное время им гарантировано пребывание вместе в большой массе и обещано возбуждение, но с одним решающим условием: масса должна разрядиться вовнутрь.

Ряды расположены друг над другом, чтобы всем было видно происходящее внизу. В результате оказывается, что масса сидит против самой себя. Перед каждым тысячи людей, тысячи голов. Пока он здесь, все они тоже здесь. Что приводит в возбуждение его, возбуждает также и их, и он это видит. Они сидят в некотором отдалении от него, черты, которые их отличают и превращают в индивидуумов, стерты. Они все похожи и ведут себя похоже. Он замечает в них лишь то, чем в этот миг переполняется сам. Их видимое возбуждение усиливает его собственное.

Масса, таким образом демонстрирующая себе самое себя, ничем не разделена. Образованное ею кольцо замкнуто. Из него никому не ускользнуть. Круг захваченных зрелищем лиц, расположенных друг над другом, удивительно гомогенен. Он окружает и заключает в себя все, разыгрывающееся внизу. Он притягивает, не давая никому уйти. Любая дыра в кольце могла бы напомнить о распаде, о будущем разбегании. Но ее нет: масса замкнута двояким образом – наружу и в себе.

Свойства массы

Прежде чем предпринять попытку классификации масс, стоит кратко резюмировать ее основные свойства. Мы выделили четыре главные

характеристики.

1. Масса всегда стремится расти. Ее росту по природе не положено границ. Если границы ставятся искусственно, то есть путем создания институтов, применяемых для сохранения закрытых масс, то всегда существует опасность извержения массы, которое время от времени и происходит. Инструментов, которые навсегда и гарантированно предотвратили бы рост массы, не существует.

2. Внутри массы господствует равенство. Оно абсолютно и неоспоримо и самой массой никогда не ставится под вопрос. Оно фундаментально важно, настолько, что массовое состояние можно было бы определить именно как состояние абсолютного равенства. Голова – это голова и не более того, рука – это рука и не более того; то, что головы или руки могут быть разными, никого не интересует. Ради такого равенства люди и превращаются в массу. Все, что способно от этого отвлечь, не заслуживает внимания. Все требования справедливости, все теории равенства черпают свою энергию в конечном счете из переживания равенства, которое каждый по-своему знает по массовому чувству.

3. Масса любит плотность. Она никогда не может стать слишком тесной или слишком плотной. Не должно быть чего-то в промежутках между людьми, не должно вообще быть промежутков, по возможности все должно стать ею самою.

Ощущение наибольшей плотности она переживает в момент разрядки. Можно будет точнее определить и измерить эту плотность.

4. Масса требует направления. Она в движении и двигается по направлению к чему-то. Направление, общее для всех участников, усиливает ощущение равенства. Цель, которая лежит вне каждого отдельного индивида и для всех одна и та же, отменяет и уничтожает неравные частные цели, признание которых для массы смертельно. Для ее постоянства направление необходимо. Страх перед распадом, всегда бодрствующий в ней, позволяет направить ее к какой-либо цели. Масса существует, пока есть недостигнутая цель.

Но еще в ней имеются смутные тенденции движения, ведущие к образованию новых, более высокого порядка связей.

Часто бывает невозможно предсказать природу этих связей.

Каждое из этих четырех выясненных свойств может присутствовать в массе в большей или меньшей мере. В зависимости от того, на каком из них сосредоточить внимание, можно получить разные классификации массы. Когда речь шла об открытой и закрытой массах, было объяснено, что это разделение основывается на признаке роста массы. Если рост не встречает препятствий, масса открыта, если рост ограничивается, она закрыта.

Другое разделение, о котором предстоит узнать, это разделение между ритмической и замершей массах. Оно основывается на двух следующих качествах – на равенстве и плотности, и даже на обоих вместе.

Замершая масса стоит непосредственно перед разрядкой.

Она в ней уверена и поэтому старается, насколько можно, замедлить ее приход. Ей хочется растянуть период максимальной плотности, чтобы подготовиться к мгновению разрядки. Можно было бы сказать, что она разогревает себя, оттягивая разрядку. Массовый процесс здесь начинается не с равенства, а с плотности. Равенство же становится главной целью такой массы: в него она в конечном счете изливается, и тогда о нем свидетельствует каждый общий крик, каждое общее движение.

В ритмической массе, наоборот, плотность и равенство с самого начала совпадают. Здесь все связано с движением. Жадно алкаемое телесное возбуждение реализуется в танце. Расхождения и новые сближения как бы сознательно провоцируют и искушают массу, испытывая ее плотность. Равенство демонстрирует себя в ритме. Эти инсценировки плотности и равенства искусственно вызывают массовое чувство. Ритмические структуры молниеносно возникают и изменяются, и только физическое изнеможение кладет этому конец.

Следующая пара понятий – медленная и быстрая массы, различия которых основаны исключительно на специфике их целей. Бросающиеся в глаза массы, представляющие собой важную часть современной жизни, то есть политические, спортивные, военные массы, с которыми мы ежедневно сталкиваемся, все быстры. От них весьма отличаются религиозные массы потустороннего мира или массы паломников: цель их далека, путь долог, и подлинная масса возникнет где-то в дальней стране или в царствии небесном. Мы можем наблюдать, по существу, лишь притоки этих медленных масс, конечные же состояния, к

которым они стремятся, невидимы и для неверующих недостижимы. Медленная масса собирается очень медленно и видит себя принявшей некоторый конкретный облик только в отдаленной перспективе.

Все эти формы, сущность которых здесь лишь кратко обозначена, требуют более детального рассмотрения.

Ритм

Ритм – изначально ритм ударов ног. Человек ходит, а так как ходит он всегда на двух ногах, попеременно ударяя ими о землю, то стоит лишь ему двинуться, как удары повторяются, и возникает, преднамеренно или нет, ритмический шум. Обе ноги никогда не ступают с одинаковой силой. Различие может быть большим или меньшим в зависимости от конституции человека или от настроения. Можно пойти быстрее или медленнее, побежать, вдруг остановиться или прыгнуть.

Человек всегда прислушивался к шагам других людей, они интересовали его, конечно, больше, чем свои собственные. Животные также имеют свою излюбленную походку. Многие из их ритмов богаче и выразительнее, чем у человека. Стада копытных мчались от него, как полки при звуках барабанов. Знание животных, которые его окружали, ему угрожали, на которых он охотился, было древнейшим знанием человека. Он знакомился с ними по ритму их движения. Древнейшим письмом, которое он сумел прочесть, были следы – род ритмической нотной записи, данный изначально; она сама по себе впечатывалась в мягкую почву, и человек, читая ее, связывал с ней звук ее возникновения.

Иногда следы появлялись в огромном множестве на тесном пространстве. Люди, которые сначала жили маленькими ордами, даже спокойно наблюдая эти следы, могли осознавать контраст между собственной малочисленностью и неисчислимостью стад животных. Они были голодны и всегда искали добычу; чем больше добычи, тем лучше. Но им хотелось, чтобы их самих стало больше. В людях всегда сильно было желание собственного умножения. Под этим нельзя понимать только то, что недостаточно точно именуют инстинктом размножения. Люди хотели, чтобы их стало больше прямо сейчас, на этом самом месте, в это самое мгновение. Многочисленность стада, на которое они охотились, и их

собственная численность, которую они страстно желали увеличить, особенным образом сливались в их ощущении, что выражалось в определенном состоянии совместного возбуждения, которое я называю ритмической или вздрагивающей массой.

Средством к ее образованию был в самую первую очередь ритм ног. Где идут многие, идут и другие. Шаги наслаиваются в быстром повторении на другие шаги, имитируя движение большого числа людей. Танцующие не сходят с площадки, упорно воспроизводя тот же ритм на том же месте. Танец не ослабевает, сохраняя ту же громкость и живость, что и в начале. Чем меньше танцующих, тем выше темп и громче удары. Чем сильнее они топают, тем их кажется больше. На всех в округе танец действует с притягательной силой, не ослабевающей все время, пока он длится. Кто живет в пределах слышимости, присоединяется к танцующим. Было бы естественно, если бы со всех сторон притекали все новые люди. Но поскольку очень скоро никого вокруг не остается, танцующим приходится изображать прирост как бы из самих себя, из собственного ограниченного количества. Они топают так, будто их становится больше и больше. Возбуждение растет и скоро переходит в неистовство.

Но как они возмещают невозможность реального прироста? Прежде всего важно, что все делают одно и то же. Каждый топает, и все одинаково. Каждый взмахивает рукой, и каждый дергает головой, и все – одновременно. Равноценность участников разветвляется на равноценность их конечностей. То, что движется у человека, обретает собственную жизнь, каждая рука и каждая нога начинает жить сама по себе. Но одинаковые члены связаны единым ритмом. Они рядом и соприкасаются. К их одинаковости добавляется плотность, равенство и плотность соединяются в одно. В конце концов танцует единое существо о пятидесяти головах, сотне рук и сотне ног, двигающихся все как одна в одном и том же порыве.

На высшей ступени возбуждения они действительно чувствуют себя одним, и побеждает их только физическое изнеможение.

Все вздрагивающие массы именно благодаря господствующему в них ритму имеют между собой нечто общее. Сообщение, в котором наглядно изображен только один из таких танцев, пришло из первой трети предыдущего столетия. Речь идет о хака, когда-то военном танце новозеландского племени маори.

«Маори образовали длинную змею в четыре человека шириной. Танец, называемый хака, должен был каждого, кто видит его впервые, наполнить страхом и содроганием. Все участники – мужчины и женщины, свободные и рабы – стояли вперемешку, независимо от положения, которое они занимали в общине. Мужчины были совершенно голыми за исключением патронташей, накрученных вокруг тела. Все вооружены охотничьими ружьями или штыками, привязанными к концам копий и палок. Молодые женщины и даже жены танцевали с обнаженной верхней половиной тела.

Ритм пения, сопровождавшего танец, соблюдался очень строго. Все танцующие вдруг подпрыгивали вертикально вверх, все в одно и то же мгновение, будто бы всеми ими повелевала единая воля. В то же мгновение они взмахивали оружием и изображали гримасу на лице, так что с длинными волосами, которые у них часто носят не только женщины, но и мужчины, они походили на войско Горгоны. Приземляясь, они громко ударяли одновременно обеими ногами о землю. Эти прыжки повторялись все чаще и быстрее.

Черты их кривились и искажались, насколько это могла позволить лицевая мускулатура; каждая новая маска точно воспроизводилась всеми участниками. Когда один скручивал свое лицо винтообразной гримасой, остальные немедленно подражали ему. Они вращали глазами так, что видны оставались только белки, и казалось, будто глаза сейчас вывалятся из глазниц. Рты расплывались до самых ушей. Все разом они высовывали языки так далеко, что европейцу никогда не удалось бы это воспроизвести; такое достигается долгими упражнениями с малых лет. Лица их представляли собой ужасную картину, и было облегчением отвести от них взгляд.

Каждый член каждого из тел действовал сам по себе – пальцы рук и ног, глаза и языки, так же как руки и ноги, казалось, танцевали по отдельности. Плоской ладонью танцующие громко ударяли себя по левой стороне груди или по бедру. Оглушительно звучало пение. Танцевали 350 человек. Можно себе представить, как воздействовал этот танец во время войны, как он поднимал отвагу и возбуждал ненависть противников друг к другу».

Вращение глаз и высовывание языка – знаки упрямства и вызова. И хотя война в основном дело мужчин, и свободных мужчин, неистовству хака предавались все. Масса здесь не знает различий пола, возраста или положения, все ведут себя одинаково. Что, однако, отличает этот танец от других, исполняемых с той же целью, так это необычайная разветвленность равенства. Каждое тело будто

разложено на отдельные части, не только на руки и ноги – такое бывает часто, – но на пальцы рук, ног, языки и глаза, и все языки производят вместе и в один и тот же момент одно и то же действие. Вдруг все пальцы ног, все глаза делают одно и то же. Люди уравнены вплоть до мельчайших своих членов и захвачены все накаляющимся действием. Вид трехсот пятидесяти человек, одновременно выкатывающих языки, одновременно вращающих глазами, должен вызывать ощущение непреодолимого единства. Сплоченность здесь – не просто сплоченность людей, но и сплоченность их отдельных членов. Можно было бы себе представить, что эти языки и пальцы, если бы они не принадлежали людям, могли бы сами по себе вместе действовать и сражаться. Ритм как бы пробуждает к жизни каждое из этих равенств по отдельности. В своем совместном нарастании они необоримы.

Ибо танец предполагает, что его видит, что на него смотрит враг. Хака выражает интенсивность коллективной угрозы. Но с тех пор как танец возник, он превратился в нечто большее. Его заучивают сызмала, он распался на множество форм и исполняется по всем возможным поводам. Многим путешественникам оказывали честь, исполняя хака. Именно этому поводу мы обязаны приводимым сообщением. Дружественные армии, встречаясь, приветствуют друг друга хака; при этом он исполняется с таким рвением, что наивный наблюдатель думает, что вот-вот разразится страшная битва. При похоронах знатного вождя, когда минуют фазы оплакивания и нанесения себе ран, как это принято у маори, после изобильной торжественной трапезы все вдруг вскакивают, хватают ружья и выстраиваются для хака.

В этом танце, где могут участвовать все, род воспринимает себя как масса. Род сам помогает себе, как только возникает в этом потребность, почувствовать себя массой и явиться ею перед другими. В достигнутом им ритмическом совершенстве полностью осуществляется эта цель. Благодаря хака его единству изнутри ничто не угрожает.

Задержка

Замершая масса тесно сплочена, действительно свободное движение кажется в ней невозможным. В ее состоянии есть что-то пассивное; замершая масса ждет. Она ждет отрубленную голову, которую ей покажут, слова, с которым к ней

обратятся, или исхода состязания. Роль плотности здесь особенно важна: давление, воспринимаемое со всех сторон, позволяет каждому из присутствующих стать мерой силы всего образования, часть которого он составляет. Чем больше собирается людей, тем сильнее давление. Некуда втиснуть ногу, руки прижаты к телу, свободны только головы, чтобы видеть и слышать; тела непосредственно передают возбуждение друг другу. Каждый сразу ощущает своим телом многих людей вокруг. Он знает, что их много, но, поскольку они так тесно спрессованы, он воспринимает их как одно. Такого рода плотность может позволить себе помедлить; ее воздействие в течение известного времени остается постоянным; она аморфна, не подчиняется привычному заученному ритму. Очень долго ничего не происходит, но напряжение поднимается, как вода в запруде, и тем мощнее в конце концов разражающийся взрыв.

Терпеливость замершей массы будет не так удивительна, если подлинно представить себе, что значит для массы это чувство плотности. Чем она плотнее, тем больше новых людей притягивает. Плотность свидетельствует о том, что ей недостает численности, но плотность есть также побудитель дальнейшего роста. Самая плотная масса растет быстрее всего. Задержка перед разрядкой есть демонстрация этой плотности. Чем дольше она медлит, тем дольше ощущает и показывает свою плотность.

С точки зрения каждого отдельного человека, из которых складывается масса, задержка – это пауза удивления: отложены в сторону оружие и жала, которыми в нормальное время люди оцетинены друг на друга; все прижаты друг к другу, но никто никого не стесняет, прикосновения ни в ком не рожают страха. Прежде чем двинуться в путь – не важно куда, – все хотят увериться, что остаются вместе. Это период срастания, когда нужно избегать раздражающих моментов. Замершая масса еще не совсем уверена в своем единстве, поэтому сколь можно долго старается оставаться неподвижной.

Но это терпение не безгранично. Разрядка в конечном счете неизбежна, без нее вообще нельзя сказать, существует ли масса на самом деле. Единый вопль многих глоток, который раньше раздавался при публичных казнях, когда палач подымал над толпой отрубленную голову злодея, а теперь раздается на спортивных состязаниях, – это голос массы. Очень важен его спонтанный характер. Заученные и через определенные промежутки времени воспроизводимые выкрики еще не свидетельствуют о том, что масса зажила собственной жизнью. Они могут, конечно, к этому вести, но могут также иметь

чисто внешний характер, как заученные движения вымуштрованного войска. Напротив, спонтанный, для самой массы неожиданный вопль не позволяет ошибиться, воздействие его огромно. В нем могут выражаться аффекты любого рода; часто дело не столько в том, о каких аффектах речь, сколько в их интенсивности, глубине, свободе проявления. Именно они задают массе ее душевные координаты.

Впрочем, их воздействие может быть настолько мощным и концентрированным, что в мгновение ока разрывает массу. Такой эффект имеют публичные казни. Одну и ту же жертву можно убить только один раз. Ну а если речь идет о том, кто до сих пор слыл неуязвимым, то в возможности покончить с ним сомневаются до последнего мгновения. Такое сомнение еще больше усиливает естественное торможение массы. Тем неожиданнее и острее действует вид отрубленной головы. Вопль, который за этим последует, будет ужасен, но это будет последний вопль этой конкретной массы. Можно поэтому сказать, что в данном случае за избыток трепетного ожидания, которым она наслаждалась в высшей мере, масса заплатила собственной мгновенной смертью.

Наши современные спортивные состязания более целесообразны. Зрители могут сидеть; общее нетерпение становится видимым для каждого из них. У них достаточно свободы ног, чтобы топтать, оставаясь при этом на собственном месте. У них свободны руки, чтобы хлопать. Для состязания выделен определенный промежуток времени; обычно нет оснований полагать, что он может быть сокращен; по крайней мере в это время все определенно будут вместе. Ну а в течение этого времени все может произойти. Нельзя знать заранее, будут ли, а если будут, то когда и чьи, поражены ворота; кроме этих главных страстно ожидаемых событий, будет много других, ведущих к взрывам страстей. Голос массы звучит часто и по разным поводам. Но расставание, окончательный распад в силу его временной предопределенности оказывается не столь болезненным. К тому же побежденные имеют возможность реванша, для них не все закончено раз и навсегда. После этого масса имеет возможность в самом деле широко растечься, сначала толпясь у выходов, потом сидя на скамейках, раздражаясь криками в подходящий момент и, когда все уже на самом деле миновало, в надежде на такие моменты в будущем.

Замершая масса гораздо более пассивного рода образуется в театрах. Идеальный случай – это когда играют при полном зале. С самого начала налицо нужное число зрителей. Они собрались здесь по собственному желанию; за исключением небольших очередей у касс, где им пришлось встретиться, они

проделали дорогу поодиночке. Их проводили на места. Все известно заранее: исполняемая пьеса, актеры-исполнители, время начала и даже сами зрители на своих местах. Опоздавших встречают с легкой враждебностью. Люди сидят как выровненное по линейке стадо, тихо и необычайно терпеливо. Но при этом каждый сознает свое отдельное существование: он высчитал и точно отметил, кто сидит возле него. До начала он спокойно созерцает ряды собравшихся голов: они пробуждают в нем приятное, но еще не острое ощущение плотности. Равенство между зрителями заключается, собственно, лишь в том, что они ловят одно и то же доносящееся со сцены. Но их спонтанная реакция поставлена в тесные рамки. Даже аплодисменты должны звучать в предписанный момент, и хлопают, как правило, тогда, когда нужно хлопать. Только лишь по силе аплодисментов можно судить, насколько люди стали массой, – это единственная мерка; точно так же это оценивают и актеры.

Задержка в театре уже настолько превратилась в ритуал, что воспринимается поверхностно, как мягкое давление извне, не задевающее глубоко и вряд ли дарующее чувство внутренней общности и совместной принадлежности чему-то. Но не следует забывать, как велико и как объединяет ожидание, наполняющее зрителей перед началом и держащееся весь спектакль. Очень редко зритель уходит из зала до конца спектакля, даже если он разочарован, все равно сидит и чего-то ждет; значит, все до конца остаются вместе.

Противоположность между тишиной зрительного зала и громогласностью воздействующего на них аппарата еще более бросается в глаза в концертах. Здесь ничто не должно мешать исполнению. Двигаться нежелательно, издавать звуки не разрешается. Хотя музыка по большей части живет ритмом, ритмическое воздействие на зрителя не должно проявляться. Музыка пробуждает непрерывную череду разнообразнейших, интенсивно переживаемых аффектов. Невозможно, чтобы они не ощущались большинством присутствующих, невозможно, чтобы они не ощущались ими одновременно. Однако все внешние реакции подавлены. Люди сидят так неподвижно, будто им удалось справиться с задачей ничего не слышать. Ясно, что здесь нужно было долгое искусное воспитание способности задержки, плоды которого нам уже привычны. Потому что, если судить непредвзято, трудно найти в нашей культурной жизни другое столь же удивительное явление, как концертная публика. Люди, которые отдаются естественному воздействию музыки, ведут себя совершенно иначе; те же, кто вообще никогда не слышал музыки, переживая ее впервые, могут впасть в невероятное возбуждение. Когда высадившиеся в Тасмании матросы в присутствии туземцев исполняли «Марсельезу», те выражали свой восторг необычайным вращением тел и такой

удивительной жестикуляцией, что матросов трясло от смеха. Один туземный юноша так воодушевился, что рвал на себе волосы и царапал голову, испуская при этом громкие вопли.

Жалкий остаток телесной разрядки сохранился и в наших концертных залах. Шквал аплодисментов выражает благодарность исполнителю – хаотический краткий шум в ответ на строго организованный долгий. Люди расходятся поодиночке, тихо, как сидели, как будто бы после церковной службы.

Именно отсюда ведет свое происхождение тишина концертов. Совместное стояние перед Богом – практика, принятая во многих религиях. Для него характерны те же черты задержки, что наблюдаются в секулярных массах, и оно может вести к таким же внезапным и бурным разрядам.

Пожалуй, самое впечатляющее здесь – это знаменитое стояние на Арафате, кульминация паломничества в Мекку.

На Арафатской равнине, в нескольких часах ходу от Мекки в особый, предписанный ритуалом день собираются 600–700 тысяч паломников. Они скапливаются вокруг «горы Милосердия» – лысого холма, расположенного посередине долины. Около двух часов пополудни, в самое жаркое время, паломники встают на ноги и стоят до самого захода солнца. Они стоят с обнаженными головами, в белых паломнических одеяниях, со страстным напряжением вслушиваясь в слова проповедника, обращающегося к ним с вершины горы. Речь его – непрерывная хвала Богу. Они отвечают тысячекратно повторяемой формулой: «Мы ждем Твоих приказов, Господин, мы ждем Твоих приказов!» Кто-то рыдает от возбуждения, кто-то бьет себя в грудь. Некоторые от страшной жары падают в обморок. Но главное, они выстаивают эти долгие раскаленные часы на священной равнине. Лишь при закате солнца будет дан знак расходиться.

То, что происходит после, – одно из самых загадочных явлений религиозной обрядности. Мы обсудим это позже в другой связи. Здесь нас интересует только многочасовой момент задержки. Сотни тысяч людей в нарастающем возбуждении остановились на Арафатской равнине и не могут, что бы с ними ни произошло, покинуть эту последнюю остановку на пути к Аллаху. Они вместе сюда явились и вместе получают сигнал разойтись. Они разжигаются проповедью и выкриками разжигают себя сами. В выкрикиваемой фразе есть «ждем», и это «ждем» возвращается снова и снова. Солнце, которое почти не движется,

погружает всех в один и тот же сверкающий блеск, в один и тот же печной жар; оно могло бы служить воплощением задержки.

Замереть можно по-разному, как, например, замирают религиозные массы, но высшая из вообще достижимых степеней пассивности навязывается массе насильственно извне. В битве друг на друга идут две массы, каждая из которых хочет быть сильнее, чем другая. Боевыми криками они стремятся доказать как врагам, так и себе самим, что они действительно сильнее. Цель битвы в том, чтобы принудить другую сторону к молчанию. Когда сражены все враги, гром их слившихся воедино голосов – угроза, которая действительно была ужасной, – смолк навсегда. Самая тихая масса – мертвые враги. Чем они были опаснее, тем приятнее видеть их сваленными бездвижной горой. Это своеобразная страсть: переживать их вот такими – беззащитными, всех вместе. Ибо вместе они набрасывались, вместе выкрикивали свои угрозы. Эта успокоенная масса мертвых в давние времена ни в коем случае не воспринималась как безжизненная. Предполагалось, что вместе они продолжают где-то жить на свой особый манер, и жизнь эта, по сути, похожа на ту, которую они вели здесь. Так что враги, лежащие в виде нагромождения трупов, представляли для наблюдателя крайний случай замершей массы.

Однако и это представление можно усилить. На место павших врагов могут стать все мертвые, лежащие в общей земле и ожидающие воскрешения. Каждый умерший и погребенный увеличивает их число: все, когда бы они ни жили, принадлежат этому множеству, оно бесконечно велико. Связующая их земля обеспечивает плотность, и поэтому, хотя они лежат поодиночке, возникает ощущение, что они находятся вплотную друг к другу. Они будут так лежать бесконечно долго, до дня Страшного Суда. Их жизнь задержана до мига Воскрешения, и этот миг совпадет с мигом их собрания перед Господом, который будет их судить. И в промежутке ничего нет: массой они лежат, массой восстанут вновь. Не найти более замечательного примера для доказательства реальности и значимости замершей массы, чем идея Воскрешения и Страшного Суда.

Медленность или удаленность цели

Медленной массе свойственна удаленность цели. Она движется с необычайным постоянством к незыблемой цели и все время пути остается единой и сплоченной. Путь далек, препятствия в пути неизвестны, со всех сторон грозит опасность. Разрядка не позволена, пока не достигнута цель.

Медленная масса имеет форму шествия. Она может с самого начала включать в себя тех, кто составляет массу, как при исходе детей израилевых из Египта. Цель ее – земля обетованная, и они остаются массой, пока верят в эту цель. История их странствий есть история этой веры. Иногда трудности настолько велики, что они начинают сомневаться. Они испытывают голод и жажду и, когда начинают роптать, возникает угроза распада. Снова и снова их предводитель пытается восстановить веру. Снова и снова ему это удается, а если не ему, то врагам, со стороны которых они чувствуют угрозу. История странствий, растянувшихся на сорок лет, содержит много примеров внезапного и бурного образования единичных масс, о чем при случае нужно будет еще многое сказать. Однако все они подчинены всеохватному образу одной-единой медленной массы, движущейся к обетованной цели, к обещанной ей земле. Взрослые стареют и умирают, рождаются и вырастают дети, но, хотя составляющие ее единицы меняются, караван остается тем же самым. К нему не примыкают новые группы. С самого начала определено, кто в него входит, то есть кто имеет право на обетованную землю. Поскольку эта масса не может скачкообразно возрастать, то все ее странствие сопровождается одним кардинальным вопросом: как ей удастся не распасться?

Другую форму медленной массы можно сравнить скорее с системой рек. Она начинается с маленьких ручьев, которые постепенно сливаются; в возникшую реку впадают со всех сторон другие реки; возникает, если еще достаточно пространства земли, мощный поток, цель которого – море. Ежегодное паломничество в Мекку – пожалуй, самый впечатляющий пример такого рода медленной массы. Из самых отдаленных частей исламского мира выходят караваны паломников, движущиеся в направлении Мекки. Некоторые сначала очень малы, другие, роскошно снаряженные князьями, являются гордостью тех стран, откуда вышли. Все они в дороге соединяются с другими караванами, идущими к той же цели, растут и растут, и вблизи цели уже напоминают мощные потоки. Мекка – море, в которое они впадают.

Такого рода паломничество предполагает, что остается простор для самых обычных переживаний, не имеющих ничего общего с самим смыслом путешествия. Человек живет своим обычным днем, глаза по сторонам, дерется

с попутчиками, он чаще всего беден, должен заботиться о пропитании. Такая жизнь в чужом краю, да еще в постоянно меняющемся чужом краю, таит в себе гораздо больше опасностей, чем дома. Это не только опасности, связанные с целью предприятия. Паломники ведь люди, живущие по отдельности и для самих себя, как все и повсюду в мире. Но покуда они верны своей цели, – а таково большинство из них, – они остаются частью медленной массы, которая, как бы они ни вели себя по отношению к ней, существует и будет существовать, пока не достигнет цели.

Третью форму медленной массы представляют собой такие образования, которые ориентированы на невидимую и в этой жизни недостижимую цель. Потусторонний мир, где блаженные святые ожидают тех, кто заслужил право к ним присоединиться, – это четко поставленная цель, доступная только верующим. Они видят ее перед собой ясно и определенно, не довольствуясь смутным символом. Жизнь – это как паломничество в иной мир: между человеком и иным миром лежит смерть. Путь неясен в деталях и с трудом охватывается взглядом. Многие на нем заблудились и пропали. И все же надежда на потустороннее блаженство так сильно окрашивает жизнь верующих, что по праву можно говорить о медленной массе, к которой принадлежат все приверженцы одной веры. Так как они не знают друг друга и рассеяны по многим городам и странам, анонимность этой массы особенно впечатляет.

Но как, однако, это выглядит изнутри, и чем медленная масса больше всего отличается от быстрых ее форм?

Медленной массе запрещена разрядка. Можно было бы сказать, что это ее важнейший опознавательный знак, и говорить поэтому вместо медленных о безразрядных массах. Но следует все же предпочесть первое название, ибо нельзя сказать, что в разрядке отказано совсем. Она всегда предполагается в представлении о конечной цели. Она лишь отодвинута в далекое будущее. Там, где цель, там и разрядка. Всегда налицо сильное ее предчувствие, гарантирована же она в самом конце.

В медленной массе поставлена цель затянуть процесс, ведущий к разрядке, на возможно более долгий срок. Мировые религии стали особенными мастерами такого затягивания. Их главная задача – сохранить завоеванных приверженцев. Чтобы сохранить их и завоевать новых, нужно время от времени собираться вместе. Если на этих собраниях происходят бурные разрядки, они должны

повторяться, каждый раз превосходя прежние по интенсивности. Во всяком случае, регулярное повторение разрядки необходимо, чтобы сохранить единство верующих. Что происходит во время этих разрядок ритмических масс, по причине дальности расстояний трудно выяснить и проконтролировать. Поэтому главной проблемой универсальных религий становится контроль над своими верующими на больших пространствах Земли. Контролировать их можно только путем сознательного замедления массовых процессов. Отдаленные цели приобретают большую значимость, близкие теряют в весе, в конце концов лишаясь вообще всякой ценности. Земная разрядка преходяща, та же, что обещана в ином мире, постоянна.

Разрядка и цель, таким образом, совпадают, цель же здесь неуязвима и несокрушима. Обетованную землю могут занять и опустошить враги, а народ, которому она обещана, может быть из нее изгнан. Мекка была захвачена и разграблена сарматами, вывезшими священный камень Каабы. Много лет паломничество было невозможно.

Потусторонний же мир с его блаженными заколдован от таких набегов. Он живет лишь в вере и лишь верующим доступен. Распад медленной массы христианства окажется инициированным в то мгновение, как начнет разлагаться вера в потустороннее.

Невидимые массы

На всей Земле, где только селится человек, имеются представления о невидимых мертвых. Это, пожалуй, древнейшие представления человечества. Нет такого племени, клана или народа, которые не предавались бы долгим размышлениям о своих мертвых. Человек был ими одержим, они играли необычайно важные роли, их воздействие на живых составляло огромную часть самой жизни.

Считалось, что мертвые живут вместе, как и люди, и что их очень, очень много. «Древние бечуана, как и другие туземцы Южной Африки, верили, что пространство полнится духами их предков. Земля, воздух и небо полны духов, которые, если захотят, могут причинить зло живущим». «Болоки с Конго верят, что они окружены духами, которые только и ищут предлога, чтобы придраться к

живым, днем и ночью стараются им навредить. Реки и ручьи наполнены духами предков. Они живут также в лесу и буше. Для путешественников на суше или на воде, спешащих к ночи домой, духи представляют крайнюю опасность. Никто не решится пойти ночью через лес, разделяющий две деревни. Такого храбреца не найти даже за большие деньги. Все говорят, что в лесу слишком много духов».

Считают, что мертвые поселяются вместе где-то в далекой стране, или под землей, или на острове, или в небесном доме. Как говорится в одной из песен пигмеев Габона:

«Ворота пещеры заперты. Души мертвых носятся там стаями, как рои мошек, танцующие по вечерам. Как рои мошек, когда чернеет ночь и исчезает солнце, как кружение мертвых листьев в завывающей буре».

Но мало того что мертвых становится все больше и масса их делается все плотнее. Они еще и в движении, в постоянной совместной деятельности. Для нормальных людей они невидимы, но есть люди, обладающие особым даром: шаманы, знающие заговоры, умеющие командовать духами и использовать их для своих целей. У сибирских чукчей «каждый хороший шаман располагает легионом духов-помощников; когда он их зовет, духи являются огромными толпами и окружают маленькую палатку из овечьих шкур, где происходит колдовство, как стеною, со всех сторон».

Шаманы рассказывают, что они видят. «Голосом, дрожащим от напряжения, шаман возгласил на весь чум:

«Небесный простор полон голых существ, мчащихся по воздуху. Это – люди, голые мужчины и голые женщины летят, нагоняя бурю и вьюгу.

Слышите их свист? Шум, будто в небе бьют крыльями стаи огромных птиц? Это ужас и бегство голых людей! Духи воздуха раздувают бурю, гонят вьюгу над землей!»

Этот великолепный образ несущихся по небу голых духов происходит от эскимосов.

Некоторые народы представляют себе всех своих мертвых или определенную их часть как сражающееся войско. У кельтов Шотландского нагорья войско

мертвых обозначалось особым словом: *sluagh*. Оно переводится на английский как «*spirit-multitude*», то есть «дух-множество». Это войско духов носится большим облаком вверх и вниз над землей, как будто стая скворцов. Они всегда возвращаются на места их земных грехов. Отравленными стрелами, которые не знают промаха, они поражают скот и домашних животных. Там, в воздухе, они сражаются в битвах, как люди на земле. Ясными морозными ночами можно слышать и видеть, как соперничающие дружины наступают, отходят, вновь бросаются в атаку. После битвы их кровь окрашивает скалы и камни в красный цвет. Слово *gairm* означает «крик, клич», а *sluagh-gairm* – боевой клич мертвых. Отсюда позднее возникло слово *slogan*, означающее «лозунг, призыв». Название боевого клича наших современных масс происходит от клича мертвых воинов Шотландского нагорья.

Два северных народа, живущих далеко друг от друга – лопари в Европе и индейцы-тлинкиты на Аляске, – считают, что северное сияние это и есть такая вот битва духов. «Кольские лопари верят, что северное сияние – это дружины мертвых воинов, которые, превратившись в духов, продолжают биться в небесах. Русские лопари высматривают в северном сиянии духов убитых. Духи живут в доме, где иногда собираются вместе и закалывают друг друга насмерть, тогда пол заливаается кровью. Появление северного сияния означает, что духи мертвых начали схватку. У тлинкитов Аляски все, кто умер от болезни, а не пал на войне, сходят в подземный мир. Только отважные воины, павшие в бою, идут на небо. Время от времени оно разверзается, чтобы принять новых духов. Шаманам они являются всегда как воины в полном боевом облачении. Часто души павших являются в виде северного сияния, особенно если оно принимает форму множества стрел или снопов, движущихся в разные стороны, перемещающихся относительно друг друга или меняющихся местами, что очень напоминает боевые маневры тлинкитов. Считается, что яркое северное сияние предвещает большое кровопролитие, так как мертвые воины ищут себе подкрепления».

Неисчислимое множество воинов, согласно верованиям германцев, обитает в Валгалле. Там обретаются все мужи, павшие в битвах с самого начала мира. Число их растет, ибо войнам нет конца. Там они пьют и пируют, не испытывая недостатка в вине и яствах. Каждое утро они берутся за мечи и поражают друг друга. Но убитые воскресают – это не настоящая смерть. Они возвращаются в Валгаллу через 640 ворот строем по 800 воинов в каждом ряду.

Но не только духи мертвых представляются в этих невидимых для глаз живущего множествах. «Да будет известно человеку, – говорится в древнем еврейском тексте, – и отмечено им, что между небом и землею нет пустого пространства, но все полно толп и множеств. Часть из них – чистые создания, полные благости и добра, часть – нечистые создания, вредители и мучители. Все они носятся по воздуху; одни хотят мира, другие – войны, одни творят добро, другие чинят зло, одни несут жизнь, другие – смерть».

В религии древних персов демоны образуют особое войско со своим особым командованием. Чтобы показать неисчислимость их множеств, священная книга Зенд-Авеста употребляет следующую формулу: «Тысяча и другая тысяча демонов, десять тысяч и другие десять тысяч, бесчисленные мириады».

Христианское средневековье всерьез предавалось исчислению количества чертей. В «Диалоге о чудесах» Цезария Гайстербахского сообщается, что однажды черти так плотно набились на хорах церкви, что мешали пению монахов. Те как раз начали третий псалом: «О Господь, как велико число моих врагов...» Черти летали с одного конца хоров к другому, встречая между монахами. Те уже перестали понимать, что происходит, и в смятении просто старались переорать друг друга. Если такое множество чертей собралось только в одном месте, чтобы помешать одной-единственной службе, сколько же их должно быть на всей Земле! Уже в Евангелии, говорит Цезарий, показано, что в одного-единственного человека может вселиться легион бесов.

Некий грешный священник на смертном одре сказал сидевшему подле него родственнику: «Видишь сенной сарай напротив? Сколько соломинок под его крышей, столько чертей собралось сейчас вокруг меня». Черти ждали, когда отойдет его душа, чтобы подвергнуть ее заслуженному наказанию. Но они ловят удачу и у смертного ложа праведников. На погребение одной благочестивой аббатисы слетелось больше чертей, чем листьев на деревьях в большом лесу. Вокруг одного умирающего настоятеля их было больше, чем песка на морском берегу. Всей этой информацией мы обязаны черту, который лично при сем присутствовал, и рыцарю, с коим он имел беседу, держал речь, отвечал на вопросы. Черт не скрыл своего разочарования по поводу бесплодности предпринятых усилий, а также признался, что во время крестной смерти Иисуса он сидел на перекладине креста.

Ясно, что пронырливость этих созданий так же необычайна, как их количество. Цистерцианский аббат Рихальм, закрыв глаза, узрел их вьющимися вокруг

наподобие плотного облака пыли и сумел оценить их численность. Мне известны два варианта оценки, которые, однако, сильно разнятся между собой. Согласно одному, чертей было 44 635 569, согласно другому – одиннадцать миллиардов.

Естественно, совершенно иначе представляются ангелы и святые. Здесь царит покой, ведь им стремиться больше некуда, желанная цель достигнута. Но и здесь тоже масса – отряды небесного воинства, «неисчислимое множество ангелов, патриархов, пророков, апостолов, мучеников, исповедников, девственниц и других благочестивых». Стройными рядами они окружают трон Господа, как придворные – трон короля. Голова к голове, и чем ближе к Господу, тем полнее их блаженство. Здесь они навсегда, и как не покинут они Господа, так не расстанутся и друг с другом. Тонуть в блаженстве и славить Его – вот их единственная обязанность, которая исполняется коллективно.

Таковыми образами невидимых масс наполнено сознание верующих. Будь это мертвые или святые, они всегда мыслятся большими, плотно спрессованными группами. Можно даже сказать, что религии начинаются с этих невидимых масс. Принципы их соединения различны, и в каждой вере они имеют свой собственный вес. Было бы крайне желательно классифицировать религии по способу, каким они манипулируют своими невидимыми массами. Высшие религии, под которыми мы понимаем те, что достигли универсальной значимости, демонстрируют в этой сфере полную уверенность и ясность. К невидимым массам, в которых они поддерживают жизнь свою проповедью, привязываются человеческие желания и страхи. Кровь веры – вот что такое эти невидимки. Когда эти образы бледнеют, вера слабеет, и, пока она медленно отмирает, место поблекших занимают другие массы.

Об одной из таких масс, может быть, самой важной, мы еще не говорили. Эта единственная масса, которая даже нам, современникам, вопреки своей невидимости кажется естественной, – это потомство. На два, может быть, три поколения вперед оно просматривается довольно четко, но далее ясность видения утрачивается. Оно невидимо именно по причине своей многочисленности. Известно, что оно будет прибавляться сначала медленно, потом с нарастающим ускорением. Племена и целые народы ведут свою родословную от одного-единственного патриарха, и из обетований, которые были ему даны, становится ясно, сколь великолепного и, главное, сколь многочисленного потомства он желает – превосходящего число звезд на небе и морского песка. В Ши-Цзин, классической китайской книге песен, есть стихотворение, где потомство сравнивается со стаей саранчи:

Как туча саранчи затмевает небо,

Пусть твои сыны и внуки

Станут неисчислимым войском!

Как туча саранчи не имеет края,

Пусть твои сыны и внуки

Следуют друг за другом без перерыва!

Как туча саранчи составляет одно,

Пусть твои сыны и внуки

Будут всегда едины!

Численное множество, неразрывность в следовании поколений, то есть своего рода плотность во времени, и единство – вот три пожелания относительно потомства. Стихотворение впечатляет еще и потому, что саранча здесь – не вредитель, а образец для подражания, и все по причине ее плодовитости.

Чувство долга по отношению к потомству сегодня живо так же, как всегда. Только представление о массовидности отделилось от собственного потомства и переносится на человечество в целом. Для большинства из нас мертвые воинства – это пустое суеверие. Но считается благородным и отнюдь не праздным занятием задумываться о массе нерожденных, заботиться о них? стараться обеспечить им лучшую, более счастливую и справедливую жизнь. В общей тревоге о будущем Земли это беспокойство за нерожденных играет очень важную роль. Может быть, ужас от мысли, что они превратятся в выродков, если мы не остановим нынешние войны, окажется важнее для запрета этих войн и войн вообще, чем наши приватные страхи за собственные жизни.

Если задуматься о судьбе невидимых масс, о которых здесь говорилось, можно констатировать, что некоторые из них постепенно сходят на нет, а некоторые уже исчезли вовсе. К последним относятся черти, которые, несмотря на их прежние неисчислимые множества, больше не являются в своем традиционном обличье. Но след свой они запечатлели. О том, как они малы, есть множество ошеломляющих свидетельств из времен их расцвета, например, сообщение Цезария Гайстербахского. С тех пор они утратили внешнее сходство с человеком и стали еще миниатюрнее. Но, изменив личину, они в еще больших количествах

вновь явились миру в XIX в., теперь уже в виде микробов. На этот раз они подстерегают не душу, а тело человека. Для тела они могут представлять опасность. Мало кто глядел в микроскоп и сталкивался с ними, так сказать, лицом к лицу. Но кто о них слышал, тот осознает их постоянное присутствие и всячески старается избежать с ними контакта; весьма трудноосуществимая задача, если учесть, что они невидимы. Нет сомнения, что такие качества, как опасный характер и способность концентрироваться в бесчисленном множестве на малом пространстве, они унаследовали от чертей.

Невидимую массу, существовавшую всегда, но обнаруженную лишь недавно, с изобретением микроскопа, представляет собой сперма. Двести миллионов этих семенных зверьков одновременно отправляются в путь. Они все равны и плотно сжаты вместе. У них у всех одна цель. За исключением одного-единственного все они гибнут в пути. Можно возразить, что они не люди и нельзя говорить о них как о массе в том смысле, в каком мы употребляли это слово. Однако это возражение, будь оно принято, оказалось бы направленным и против представления о массе предков. Ибо в сперме предки содержатся, она есть предки. Это поразительная новость, что они обнаружились опять, на этот раз между одним человеческим существом и другим, и в совсем ином обличье: все они сконцентрировались в одной мельчайшей невидимой твари, и эта тварь – в таком невиданном числе!

Классификация по несущему аффекту

Массы, с которыми мы познакомились, переживают самые разнообразные аффекты. Однако о том, какие это аффекты, речь почти не шла. Исследование ориентировалось на классификацию по формальным признакам. Является ли масса открытой или закрытой, медленной или быстрой, видимой или невидимой, – все это мало говорит о том, что она переживает, каково ее содержание.

Это содержание трудно схватить в чистом виде. Нам уже знакомы случаи, когда массу пронизывает ряд чередующихся аффектов. Люди могут несколько часов просидеть в театре, сообщая испытывая множество разнообразнейших эмоций. В концерте их восприятия отделены от повода к образованию массы еще больше, чем в театре; можно сказать, что здесь достигается максимум переменчивости.

Но все это искусственно созданные институции: их богатство – результат развития сложных высоких культур. Их воздействие отличается умеренностью. Крайности взаимно исключают друг друга. Эти коллективные мероприятия вообще служат смягчению и снижению накала страстей, которым человек с трудом смог бы противостоять в одиночку.

Главные аффективные формы массы следует искать в отдаленном прошлом. Они возникли очень давно, их история началась так же рано, как история человечества, а история двух из них – еще раньше. Каждая из форм отличается особенной эмоциональной окраской, массой владеет единственная главная страсть. Если ее аффективная природа понята, дальше ее ни с чем не спутаешь.

Далее будут показаны пять видов массы, различающихся по их аффективному содержанию. Преследующая и убегаящая массы – самые древние. Они имеются у животных так же, как у людей, и, возможно, процесс складывания этих форм у людей постоянно подпитывался благодаря подражанию животным образцам.

Запретная масса, обращенная масса и празднующая масса встречаются только у людей. Мы опишем эти пять главных типов, интерпретация которых должна привести в дальнейшем к очень важным и масштабным выводам.

Преследующая масса

Преследующая масса возникает в виду быстро достижимой цели. Цель – убийство, и известно, кто будет убит. Жертва известна, четко обозначена, близка. Масса бросается на нее с такой решимостью, что отвлечь ее невозможно. Для того чтобы возникла преследующая масса, достаточно широко объявить, что такой-то должен умереть. Концентрация на убийстве – это переживание особого рода, ни с чем не сравнимое по интенсивности. Каждый старается пробиться ближе к жертве и нанести удар. Если самому не дотянуться, надо хотя бы видеть, как бьют другие. Все руки будто бы принадлежат одному телу. Но руки, которые достают, ценнее и весомее, чем остальные. Цель – это все. Жертва – это и цель, и точка наибольшей плотности: она связывает собою действия всей группы. Цель и плотность совпадают.

Важной причиной стремительного роста преследующей массы является безопасность предприятия. Оно безопасно, потому что на стороне массы подавляющее превосходство. Жертва убегает или связана, она не может даже обороняться, в незащитности своей она именно жертва, предназначенная на заклятие. За смерть ее никто не ответит. Свободное убийство – это как бы возмещение за все те убийства, от которых человек вынужден был отказаться из-за страха перед наказанием. Испытанию безопасного, дозволенного и даже рекомендованного, разделенного с другими убийства большинство людей не в силах противостоят. Важно еще, что угроза смерти, постоянно висящая над человеком, хоть и не осознаваемая непрерывно, порождает потребность отвести смерть на другого. Эту потребность удовлетворяет преследующая масса.

Это столь быстролетное событие, оно разыгрывается так молниеносно, что чуть замешкаешься, и уже поздно. Стремительность и эйфорическая самоуверенность такой массы производят необыкновенное впечатление. Это возбуждение слепцов, которым вдруг представилось, будто они прозрели. Масса набрасывается на жертву, чтобы одним махом и навсегда освободить от смерти всех, кто ее составляет. В действительности же происходит противоположное. После казни масса еще сильнее, чем когда-либо, ощущает страх смерти. Она распадается и рассеивается, будто ударяясь в паническое бегство. Чем важнее была жертва, тем сильнее охватывающий массу ужас. Она может сохраняться, только если казни следуют подряд одна за другой.

У преследующей массы древняя природа, восходящая к изначальному динамическому единству, известному у людей как охотничья стая. О стаях, которые малочисленностью да и по другим параметрам отличаются от массы, подробно будет говориться ниже. Здесь же речь пойдет о некоторых универсальных ситуациях, порождающих преследующую массу.

Из видов смерти, к которым племя или народ приговаривали отдельного человека, можно выделить две главных формы; первая из них – выталкивание. Человека выталкивают из племени, оставляя там, где он либо умрет с голоду, либо станет добычей хищников. Соплеменники не должны ему помогать: они не имеют права ни защитить его, ни накормить. Общение с ним делает человека нечистым и само по себе преступно. Полное одиночество – это ужасное наказание; изоляция от собственной группы, особенно в примитивных условиях, – это страдание, которое мало кто может вынести. Извращенной формой такого выталкивания является выдача врагу. Если выдают мужчин и выдача протекает без борьбы и сопротивления, наказание считается особенно

жестоким и унижительным, будто человека убивают дважды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kanetti_elias/massa-i-vlast

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)